

Максуд Ибрагимбеков

УЮТНОЕ МЕСТО В СКВЕРЕ

- Убрать! - зычным голосом крикнул Агасаф-ага, усаживая в кресло очередного посетителя. Это был его постоянный клиент, добросовестно прождавший в очереди к "своему" мастеру добрых два часа. - Я тебя еще в прошлую пятницу ждал, - он со всеми своими постоянными клиентами разговаривал на "ты", думаю, чего это его нет...

- В Кировабад ездил, в командировку...

- В Кировабаде хаш хороший подают, настоящий, - сказал Агасаф-ага мечтательным голосом, - он желтый, жирный, прозрачный, и кусочки желудка они в него кладут. В Азербайджане теперь только в Кировабаде и умеют хаш готовить... Не больно?.. В Баку вообще ничего хорошего не съешь. Недавно пошел хаш кушать в хинкальную около вокзала. Принесли, я заведующему говорю: "Слушай, тебе не стыдно, это разве хаш?" Плюнул и ушел.

- Хаш надо дома готовить, - сказал клиент.

- У жены от запаха чеснока голова потом болит, - с сожалением признался Агасаф-ага. - Она нервная... Голову мыть будем?

Агасаф-ага сунул голову клиента под душ. Предварительно он взболтал во флаконе шампунь и, вылив немного душистой жидкости себе на ладонь, с наслаждением понюхал ее. Капроновая щетка описывала круг за кругом в мыльной пене на голове, парикмахер несколько раз намылил густые волосы; мыл он головы клиентам всегда очень тщательно и сам же покряхтывал в это время от удовольствия.

- Компресс! Прибор! - крикнул Агасаф-ага и, подоткнув свежую салфетку за воротник клиента, наклонился к его лицу. - Ай-яй-яй! - сказал Агасаф-ага. - Ты что же это такое раздражение себе устроил? У тебя кожа хорошая. Такая кожа одна на десять тысяч бывает, а ты ее портишь. Наверное, опять электробритвой бреешься? Я так и подумал. От электробритвы добра не жди. Это сейчас на них мода, а посмотришь через два-три года - все опять начнут бриться старым способом... Не больно? Я знаю, что не больно, на всякий случай спрашиваю. Вчера газету читал... Снова о Кеннеди пишут, столько времени прошло, а все пишут. Ты не знаешь, эти журналисты каждый раз за это деньги получают? А? Вот-вот. Пиши не пиши, а я точно знаю, кто его убил... Вот как по твоему, его Джонсон убил?

- Я бы сказал, - ответил, осторожно шевеля намыленными губами, клиент, но боюсь, его посадят...

- Кого? Джонсона? Никогда не посадят, он сейчас президент. Но я тебе точно скажу, его убил Джонсон. - Агасаф-ага обтер о салфетку бритву. - Ты знаешь, где я раньше жил? Я раньше жил на 4-й Параллельной, это потом я квартиру на Монтине получил. А у меня сосед там был, Давуд. Три раза в тюрьму его сажали. Родственники собрались, позвали его в мечеть, заставили на Коране поклясться, что он больше не будет дурными делами заниматься. Давуд поклялся. И правда, другим человеком стал. Открыл себе мастерскую, стал чинить туфли. Виски, прямые или косые сделать? Пожалуйста, но тебе прямые больше идут. Прямые или косые? Ха... С утра до вечера Давуд туфли чинит, все довольны. Потом как-то раз прихожу с работы, говорят - Давуда посадили. Что такое, за что посадили?! Человека ножом ударил. Суд был. Прокурор смеется, судья смеется, народ смеется - дали три года. Оказывается, к нему в мастерскую клиент пришел, а мастерская маленькая, и доставил большую неприятность. Давуд говорил, что клиент ему назло это сделал, а клиент на суде матерью поклялся, что нечаянно. Дали Давуду три года. Ты понимаешь, такой, как Давуд, рано или поздно что-нибудь сделает. Он опять сейчас туфли чинит, а я все равно знаю, что рано или поздно он что-то натворит. От таких, как Даауд, добра не жди...

- Подожди, подожди, - удивился клиент, - а при чем здесь Джонсон?

- Копия он Давуда, - торжественным голосом сказал Агасаф-ага, - я как увидел его портрет, понял, что от этого чело-века добра не жди. До чего похожи! - Агасаф-ага уже водил пенящейся струёй одеколona, бьющей из пульверизатора, по гладко выбритому лицу клиента. - Пудру я тебе не советую, дорогой, пусть кожа дышит.

Он не глядя сунул деньги в карман халата.

- Приходи почаще, я тебе всегда рад.

В дверях стояла очередь из пяти-шести человек. Очередь игнорировала выкрики "Следующий!" и приглашающие взмахи полотенцами других парикмахеров. Очередь состояла из постоянных клиентов Агасаф-аги.

- Антракт на пять, шесть, семь минут, - бодрим голосом объявил, подойдя к очереди, Агасаф-ага и скрылся за занавешенной красной бархатной портьерой дверью в соседнюю с залом комнату. Здесь он сел на стул и, задрав ноги, положил их на специально прибитую для этой цели к стене полку - у него на ногах были расширены вены, и это давало о себе знать каждые полтора-два часа работы. Агасаф-ага представил себе, как отхлынула из набрякших на ногах лиловых вен кровь, и тихо застонал от удовольствия. Он с трудом открыл глаза, когда в комнату вошел парикмахер, работающий за соседним с Агасаф-агой креслом. Это был молодой человек, недавно вернувшийся из армии. Жил он в одном доме с Агасаф-агой, и по этой причине Агасаф-ага считал своей обязанностью учить его ремеслу и вообще уму-разуму.

- Не нравишься ты мне сегодня, Газанфар, - не поворачивая головы, внушительно сказал Агасаф-ага. - У меня сердце кровью обливалось, когда ты брил доктора. Ты не видел, что у него волос на лице жесткий? Видел? Так намыль ему лицо, а поверх мыла сделай горячий компресс, а потом еще раз намыль... Ты знаешь, какой звук был, когда ты его брил? Как будто по железу напильником водили. Разве это хорошо? Он тебе кто? Он тебе враг? Или он тебе ненастоящие деньги платит?

- А он молчал, - ответил сконфуженный Газанфар. - Ни разу не сказал, что бритва его беспокоит...

- И не скажет, - немедленно подхватил Агасаф-ага. - Зачем ему говорить. Он в следующий раз пойдет к другому мастеру. К тебе больше не сядет. А я в твоём возрасте уже имел постоянных клиентов. И тебе пора.

- Вы другое дело, - сказал Газанфар. - У вас талант, это все парикмахеры в Баку знают. Божий дар.

- У парикмахера талант один, - недовольным голосом в который раз напомнил ему польщенный Агасаф-ага. - Это - старание. И еще внимание. Если ты запомнил, какому клиенту какой одеколон нравится, горячий компресс он любит после бритья или холодный, то, этот клиент два часа будет в очереди стоять, лишь бы в твоё кресло сесть. И самое главное, чтобы не чувствовал, что ты торопишься, когда над ним работаешь. Это - обида. И потом, разговаривать/с ним надо, спрашивать, не беспокоит ли его бритва. А ты говоришь: "Я брею, он молчит". А он, может быть, стесняется...

Агасаф-ага прошествовал в зал мимо почтительно замершего у двери Газанфара и подошел к креслу, в котором терпеливо дождался его молодой человек с роскошной причёской аля битлз.

- Сегодня только затылок, - попросил он, - и побрить.

- Усы трогать будем?

- Можно, - преодолев некоторое внутреннее сопротивление, сказал юноша, только самые кончики подстригите, над губой. Агасаф-ага кивнул головой и принялся священнодействовать.

Уже после первых его пассивов на лице парня появилось блаженное выражение, и он застыл в сладкой дреме.

- Зря я человека обидел, - вслух подумал Агасаф-ага.

- Кого обидел? - встrepенулcя парень.

- Джонсона, - сказал Агасаф-ага с огорчением. - Он пожилой человек, больной, а я про него непроверенные вещи говорю. А может, и правда... Тысячу раз себе слово давал, пока в газетах не было - сам не выдумывай. Я очень политикой увлекаюсь. Люблю политику.

После работы Агасаф-ага и Газанфар из парикмахерской выходили обычно вместе. Так было и на этот раз. До вокзальной станции метро они шли, если была хорошая погода, пешком. Агасаф-ага объяснил раз и навсегда Газанфару, что хождение пешком может избавить человека от такой неприятности, как диабет.

- Вечером на бульваре видел - солидные люди прогуливаются? У них, ты думаешь, персональных машин нет? Есть. И личные, и персональные. А почему он каждый вечер пешком ходит? Потому что ему жить хочется. Не хочет диабетом болеть, инфаркта не хочет. Это и понятно - все у такого человека есть деньги, квартира, машина. А здоровья нет. Хе-хе.

Газанфар почтительно слушал и кивал головой. К Агасаф-аге он относился с благоговением.

Они остановились перед хинкальной у вокзала. Агасаф-ага говорил, что перед приходом домой умный человек должен всегда пообедать. "Совершенно неизвестно, - говорил Агасаф-ага, - что ждет человека дома. Если жена приготовила вкусный обед, я его съем после любой шашлычной и хинкальной, а если она ничего не приготовила к приходу мужа?!"

Газанфар знал, что у Агасаф-аги существует реальная возможность пообедать только до прихода домой.

Они спустились в подвал хинкальной. Буфетчик вышел из-за стойки и почтительно пожал им руки.

- Шашлык не советую, - шепнул он Агасаф-аге, - мясо жесткое. Хинкал хороший сегодня.

- Два хинкала, - заказал Агасаф-ага. - Два дай, а два держи наготове горячими, как кончим - подашь. И триста граммов водки.

Они съели по две порции отличного хинкала, выпив при этом по триста граммов. Водку они запивали пивом. Агасаф-ага утверждал, что если водку или коньяк непременно сразу же запивать водой или пивом, то у человека никогда не будет рака пищевода. Вообще Агасаф-ага прекрасно разбирался в медицине.

- Я очень хотел стать врачом. - сказал Агасаф-ага Газанфару, - но потом понял, что я парикмахер, что я в этом деле мастер. Ты понимаешь, - говорил захмелевший Агасаф-ага, - у меня прекрасная специальность. Я мастер Агасаф-ага. Меня все знают, и я себя уважаю, а на остальных я плевать хотел.

Газанфар знал, что Агасаф-ага под "остальными" подразумевал жену, которую боялся зеленым страхом.

Газанфар попытался было расплатиться, но Агасаф-ага, грозно выкатив на него глаза, сказал официанту:

- Тебе сколько раз надо говорить, что, когда этот ребенок со мной, денег у него не бери. - Он сунул ему деньги и, пошатываясь от сытной еды и водки, в сопровождении почтительно поддерживающего его под руку официанта вышел на воздух.

Дойдя до своего подъезда, Агасаф-ага пригласил Газанфара подняться к нему. Когда тот попробовал было отказаться, Агасаф-ага сердито проворчал, что старших надо слушаться, и Газанфар покорно поплелся вслед за ким на третий этаж.

У Агасаф-аги была большая трехкомнатная квартира, в которой жили кроме него жена и двое детей - Самид и Фазиль. Комнаты были обставлены очень хорошей мебелью, за ней Агасаф-ага сам ездил в Москву.

Дверь Агасаф-ага открыл своим ключом. Они прошли в столовую. Со стола не была убрана посуда. Совсем недавно пообедали за ним, видно, человек пять-шесть. Агасаф-ага подошел к книжному шкафу и достал с него нарды...

- Сейчас я выясню, как ты играешь, - пообещал он Газанфару. И когда тот стал расставлять шашки, прошел на кухню.

- Дай нам чаю, - сказал он жене. - Гости были?

- Коллеги из школы, - сказала жена. - Что, опять в нарды играть будете? Кошмар какой!

Газанфар знал, что гостей жена Агасаф-аги приглашает тогда, когда его нет дома. Она, видно, стеснялась присутствия мужа. Жена Агасаф-аги имела высшее образование -- окончила заочное отделение педагогического института. На время ее учебы Агасаф-ага нанял домработницу и каждый вечер выходил в сквер по соседству прогуливаться с детьми. Сразу же после окончания института она очень переменилась к мужу, в обращении к нему теперь явно чувствовался оттенок пренебрежения. Преподавала она английский. Как ей это удавалось, Газанфар не знал, по его глубокому убеждению, она не умела говорить правильно ни на азербайджанском, ни на русском, ни тем более на английском. В школу в центре города ее устроил через своего постоянного клиента - заместителя министра Агасаф-ага.

Газанфар и Агасаф-ага молча играли в нарды. Агасаф-ага дома становился необычно молчаливым. Жена принесла и со стуком поставила перед ними по стакану чаю, Агасаф-ага смерил ее взглядом, но жена, не обратив на это никакого внимания, прошла в другую комнату и принялась куда-то звонить по телефону.

- Ты права, дорогая, - донесся ее голос, - это, конечно, не нерпа, ворса не та, скорее это под кобылу...

- Не ворса, а ворс, - усмехнулся пятнадцатилетний сын Самид.

- Я тебе тысячу раз говорила, - сказала мать, прикрывая ладонью трубку, мне замечаний не делай.

- Так правильно же "ворс", - не унимался Самид. - А сегодня утром ты сказала "купила кило барашки", а нужно говорить "баранины".

- Кто даст сахар к чаю? - страдальческим голосом крикнул Агасаф-ага. - Я же с работы пришел!

- Ты что, не слышишь, что я по телефону разговариваю? - сказала жена, заглядывая в столовую. - Возьми сам, если тебе нужно, я не домработница!

Агасаф-ага изо всех сил ударил по столу. Шашки и кости на доске подпрыгнули и покатались по паркету.

- Это чей дом?! - неистово закричал Агасаф-ага. - Почему ты со мной так разговариваешь? Я что - вор, убийца? Почему ты со мной так разговариваешь, я спрашиваю!

Газанфар встал и, ступая на цыпочках, вышел из квартиры. До него уже на лестничной площадке донеслось: "Я тебе тоже тысячу раз говорила, что этому парикмахеру нечего делать в моем доме. Не води его!"

- Не твой дом, а мой! Кого хочу - приглашаю! Это был ежедневный, обыкновенный скандал. Он утих так же внезапно, как начался. Агасаф-ага прошел в спальню и, одев пижаму, с наслаждением лег на кровать. Он лежал, и чувствовал, как пульсирует кровь в набухших венах, и ему было необыкновенно приятно. И мысли текли ровные, привычные. Он думал о жене и никак не мог понять, чем она недовольна. "Как будто зарабатываю больше всех соседей в доме. Ни в чем отказу нет. Летом в Кисловодск хочешь - пожалуйста, хоть на три месяца, хоть на четыре. Коллегам угощение - хоть каждый день. Все есть. Чего она хочет? Мужчина что должен делать? Зарабатывать! Больше меня же ни один сукин сын не зарабатывает! Скорее всего дело в их роду - и мать ее покойная, прости господи, стерва была. Все дело в этом".

Эта мысль восстановила наконец душевное равновесие. Агасаф-ага повернулся на правый бок и совсем уж собрался задремать, когда его коснулась рука Самиды.

- Что, мой родной, - спросил Агасаф-ага, - что, мой хороший? - Он очень любил своих детей, и самое плохое настроение Агасаф-ага улетучивалось при виде их.

- Папа, - сказал Самид. - Мне деньги нужны.

- Сколько? - осведомился Агасаф-ага.

- Честно говоря, мне нужно пять рублей. Но я буду рад, если ты дашь три...

- Почему три? - удивился отец. - Я тебе дам пять. - Он порылся в кармане и протянул сыну пятерку. - А для чего тебе деньги?

- Так... - неопределенно протянул Самид. - Ну, мяч хотим купить настоящий футбольный.
- А ты почему такой грустный сегодня? - сказал Агасаф-ага молча стоявшему в стороне восьмилетнему Фазилю. - На и тебе рубль, мороженое купишь.
- Как в школе дела? - уже погружаясь в дрему, спросил он у Самиды.
- Хорошо, - бодрым голосом ответил сын.
- Мама говорила, что у тебя двойка поэтому... ну как его... все время забываю название этого предмета. Очень важный предмет... Трио... или четырео...
- Тригонометрия, - засмеялся сын. - Все хорошо. Ты, папа, не беспокойся.
- Агасаф-ага кончил воспитательную беседу, поцеловал обоих сыновей и заснул было уже окончательно, когда в спальню вошла жена.
- Мы сегодня идем в кино! - заявила она мужу. ,
- На какой сеанс? - замирая, спросил Агасаф-ага.
- На десять.
- Еще время есть, - обрадовался Агасаф-ага. - Час посплю, а потом пойдем, слава богу, кинотеатр рядом.
- Нет, - отрезала жена. - Мы идем в центр, в кинотеатр "Азербайджан". Так что ты встань, побрейся, приведи себя в порядок.
- Слушай, - взмолился Агасаф-ага. - Я устал, у меня ноги болят, неужели мы не можем сходить в кино в мой выходной?
- Я хочу смотреть фильм, как все люди, в первый день, а сегодня премьера.
- Не пойду я в кино, - закричал Агасаф-ага. - Я в этом доме умирать буду, тебе наплевать на это.
- Да хватит вам, - сказал, входя в спальню, Самид. - Надоело уже, перестаньте, соседи над вами смеются...
- Видишь, - пожаловалась сыну жена, - вся моя вина в том, что я пытаюсь этого человека вытащить в кино! И еще я виновата, что он работает в парикмахерской. Я виновата!

Самид безнадежно махнул рукой и вышел.

Агасаф-ага надел свой лучший костюм и коричневый югославский плащ. Жена оглядела его критическим взором и заставила переодеть туфли. Кроме этого, она заставила его сменить запонки. Теперь осмотр ее, кажется, удовлетворил. Она вытащила из шифоньера пальто и попросила мужа поддержать его. С недавних пор она перед выходом каждый раз стала просить, чтобы муж помогал ей одеться.

У них были хорошие места - в десятом ряду. Агасаф-ага был уже доволен, что они пришли в кино. Он с удовольствием оглядел жену, она была очень хорошо одета, в ушах серьги, на холеных руках браслет, колыша, и не какая-нибудь подделка, а все настоящее, все как надо. Агасаф-ага очень любил делать ценные подарки жене, заработок позволял ему это делать почти каждый год.

- Конечно, хорошо, что мы пришли в этот кинотеатр. Здесь звук хороший и публика всегда очень приличная бывает, - Агасаф-ага показал жене на пару, пробирающуюся к своим местам. - Это вице-президент Академии наук, - шепнул он на ухо жене.

Вице-президент, поравнявшись с ними, приветливо поздоровался с Агасаф-агой.

- Это генерал Мамедов, - сказал Агасаф-ага, пожав руку следующего своего знакомого.

Знакомых у Агасаф-ага оказалось много, и все они очень тепло здоровались с ним.

- Откуда ты их всех знаешь? - спросила жена.

- Я их всех знаю, они меня очень уважают.

Жена презрительно пожала плечами.

Как только начался фильм, Агасаф-ага забрал у жены пальто, чтобы ей было удобнее смотреть, и, купив две порции мороженого, с удовольствием стал откусывать от хрустящего стаканчика. Ему было очень приятно, ноги не болели, фильм был, кажется, интересным, мороженое холодило язык.

Сзади засмеялись.

- Перестань чавкать, - шепотом сказала ему жена. Теперь Агасаф-ага ел беззвучно, но на экран уже не смотрел. Когда они пришли домой, дети спали. Агасаф-ага прошел в детскую. Он не дыша смотрел на детей, и к сердцу его, как и каждый раз, когда он видел своих детей, прилила теплая волна нежности. "Моя копия". Он поправил одеяло на раскрывшемся младшем и, поцеловав обоих, вышел из комнаты. Спать ему не хотелось. Агасаф-ага накинул плащ, и вышел на улицу.

В сквере, прямо перед домом, Агасаф-ага сел на свое постоянное место. Обычно он приходил сюда после скандалов с женой. На соседней скамейке сидели двое - они самозабвенно целовались, абсолютно не интересуясь, какое впечатление это производит на Агасаф-агу. Агасаф-ага смущенно отвел глаза и поймал себя на том, что ему хочется подойти и сказать парню:

"Слушай, у твоей девушки очень уж короткое платье". "Ну его, еще обидится", - раздумал он.

"Сейчас они целуются, - он ощутил внезапно прихлынувшую горечь, - а потом, когда поженятся, я посмотрю на них, захотят ли они целоваться в сквере... Эх... Я тоже целовался". Агасаф-ага вспомнил жену, и ему стало очень грустно.

Приходу Газанфара он обрадовался. Газанфар сел рядом.

- Не спится? - спросил Газанфар.

- Ты на нее не обижайся, - попросил Агасаф-ага. -- Она неплохой человек, только нервная очень.

- Да я не обижаюсь, - сказал Газанфар. - мне ведь за вас обидно. Вы меня извините, но вы такой мастер, весь город вас знает, все вас уважают. С другой стороны, и человек вы добрый, а хуже всех живете. Она же вас не уважает. Кричит на вас при людях. Подумаешь - институт кончила. На ваши деньги кончила. А что бы она без вас была?

Агасаф-ага на мгновение даже онемел от такой дерзости Газанфара.

-Слушай, ты как со мной разговариваешь?! Честное слово, если бы я не относился к тебе, как к сыну, никогда бы тебе этого не простил. Ты молодой еще, ничего не понимаешь, жена - это пустяки, а самое главное в жизни - это дети. Вот у меня два сына... Вырастут, будут моими друзьями, будут меня понимать, любить меня будут, во всем советоваться. Сейчас они, конечно, с матерью больше дружат, она их воспитывает, а когда вырастут... Понял?

Газанфар недоверчиво пожал плечами.

- Ты поверь... Я сейчас все терплю ради них...

- Жизнь проходит, - сказал Газанфар.

- Жизнь еще впереди... Ну, ладно, поздно уже... Пошли домой... Завтра рано вставать.

Пара на соседней скамейке, на минуту сделав перерыв, посмотрела вслед друзьям.

Утром Агасаф-ага, как всегда, встал раньше всех. Он, тихо ступая, прошел на кухню и здесь тщательно проделал упражнения утренней гимнастики. Несколько движений он сделал с килограммовыми гантелями старшего сына. Потом, нажарив несколько ломтей хлеба и заварив крепкий, настоящий цейлонский чай с аппетитом позавтракал. Уже одетый Агасаф-ага прошел в спальню - жена только проснулась.

- Ты помнишь, что сегодня Самиду исполняется шестнадцать?

- Ай-яй-яй! - сказал Агасаф-ага и пошел в детскую.

-Поздравляю! Будь самым счастливым, самым умным, чтобы и я, глядя на тебя, радовался. Гости к тебе придут? Самид кивнул.

- Молодец. К хорошему человеку всегда должны ходить гости. В нашем доме все поместятся.

Агасаф-ага в прекрасном настроении спустился во двор. Здесь его уже ждал Газанфар.

Приятно возбужденный Агасаф-ага говорил по дороге Газанфару;

- А ты, оказывается, совершенно не разбираешься в жизни... "Жена уважает - не уважает..." Слушай, какая мне разница, уважает она меня или нет?.. Плевать я хотел на все в мире... Самое главное, что у меня хорошие дети... Мои будущие друзья. Это самое главное. Вот твоя жена тебя уважает?

- Уважает, - сказал Газанфар. - И всю жизнь будет уважать. И я для нее самый главный человек в мире...

Агасаф-ага с сожалением посмотрел на него и, засмеявшись, махнул рукой:

- Молодой!.. Какой ты еще молодой!

На перерыв Агасаф-ага позавтракать в кафе не пошел, потому что потратил время на покупку шести бутылок шампанского. Завтрака, принесенного Газанфаром из дому, хватило на

двоих. Они сидели в служебной комнате и с удовольствием ели долму, заливая ее мацони из бутылки, которую Газанфар достал из чемоданчика.

-Это каждый день твоя жена готовит такие завтраки? - спросил Агасаф-ага.

Газанфар кивнул головой.

-Хорошо готовит, - сказал Агасаф-ага, - только смотри, располнеешь. Ну, пора и за работу. Спасибо.

Агасаф-ага почти каждому клиенту рассказывал, что сегодня его старшему сыну исполняется шестнадцать лет, что к нему в гости придет почти весь класс, что он сначала не хотел покупать им вина, но потом решил, что никакой беды не будет, если дети выпьют по рюмочке шампанского, и это гораздо лучше, нежели они будут пить втихомолку. Клиенты поздравляли и говорили, что вреда действительно не будет, и это прекрасно, что у Агасаф-аги такой взрослый сын.

По радио объявили концерт Зейнаб Ханларовой. Разговоры тотчас замолкли. Во время концерта в парикмахерской разговаривать было не принято.

- Как она поет! - вздохнул Агасаф-ата, а когда певица спела тесниф, он даже прослезился. Агасаф-ага был в общем-то сентиментальным человеком. - Кто знает, - спросил он, - она замужем? Никто в парикмахерской этого не знал.

- Говорят, она жена Муслима Магомаева, - робко предложил свою версию один из молодых парикмахеров.

- Я всегда жду, - саркастически улыбаясь, сказал ему Агасаф-ага, - что ты скажешь! Что ты наконец умное скажешь! Как они могут быть муж и жена, ты разве не слышишь по радио, что они совершенно разные? Разве они могут быть мужем и женой? Они оба очень хорошие, но оба очень разные. *

-А почему вас интересует, замужем ли она? - клиент повернул к нему намыленное лицо.

- Хочу пожелать ей хороших детей, она людям радость приносит. Пусть и она счастлива будет.

На этом разговор об искусстве закончился. Агасаф-ага посмотрел на часы. и заторопился. Он с нетерпением подождал, пока Газанфар добреет толстого полковника, и, скинув халат, вышел на улицу.

В Баку уже чувствовалась ранняя весна. Наступили сумерки. В вечернем воздухе стоял неувловимый аромат акации. Агасаф-ага отдал сумку с шампанским Газанфару и неторопливо шел, с наслаждением вдыхая воздух.

- Мало надо все-таки человеку, - сказал он Газанфару. - Лишь бы все здоровы были, остальное пустяки. Видишь, опять весна наступила. Интересно, сколько их еще будет.

Во дворе Газан-фар поздравил Агасаф-агу с днем рождения сына.

- Спасибо, - поблагодарил Агасаф-ага. - Даст бог, за здоровье твоих сыновей выпьем. Пора уже, пора.

Агасаф-ага открыл своим ключом дверь и прошел в квартиру. Столовая была убрана, все было готово к приходу гостей. На кухне Самид толк в ступке сахар. Жена возилась у плиты.

- Почему я должна говорить отцу? Ты сам уже взрослый. Сам и скажи. Ничего в этом плохого нет.

-- О чем это вы? - спросил, появляясь в дверях кухни, Агасаф-ага.

- Да так, - сказала жена.

Агасаф-ага поел здесь же, на кухне. Он ел плов, очень хороший плов, приготовленный женой специально ко дню рождения сына. Плов был сварен по всем правилам, каждая рисинка отдельно, обильно полит маслом, с желтыми прожилками шафрана. Агасаф-ага налил себе из початой бутылки коньяка полстакана и, подняв тост за здоровье сына и за счастье всей своей семьи, медленно выпил.

- Я пойду полежу немного, до прихода гостей, - решил он. Войдя в спальню, он обнаружил, что кроватей нет.

- Дети здесь будут танцевать, кровати мы сложили в детской, - сказала жена. - Слушай, Самид хотел попросить тебя кое о чем, но он стесняется...

- Нечего ему стесняться, - улыбнулся Агасаф-ага, - мы не должны друг друга стесняться... Что тебе, сынок?

- Пап, ты понимаешь, я пригласил почти весь наш класс, ты же сам разрешил, и ребят и девочек... А они тебя стесняются... Ты не мог бы куда-нибудь в гости пойти, до двенадцати... Только ты не обижайся...

- А чего здесь обидного, - сказала мать. - Я тоже только подам на стол, а потом уйду на кухню или к соседям. Во всех домах так делают... И нечего обижаться.

- Что вы меня уговариваете... - успокоил их Агасаф-ага. - Что я, сам не понимаю, что я буду стеснять гостей... У вас свои интересы, у меня свои. Я все равно собирался пойти погулять...

Сквер перед домом был освещен мягким светом неоновых дампов. Дул очень приятный теплый весенний ветерок. Это был тот самый ветерок весны, который заставляет поэтов писать стихи, хорошие или плохие, а влюбленных говорить слова, все подлинное значение которых они осознают только осенью или никогда. Агасаф-ага сидел на своем обычном месте, было приятно сидеть так и смотреть, как играют дети... Потом дети ушли, и появились люди постарше, эти в основном только и занимались тем, что целовались. И никто не обращал внимания на этого толстого некрасивого человека с одутловатым

лицом... А может быть, все дело было и не в Агасаф-аге, люди весною в скверах делаются такими эгоистичными...

Потом пришел Газанфар и молча сел рядом. И если бы за ними кто-нибудь наблюдал, он бы увидел, как эти два человека обрадовались друг другу... Но скажите на милость, кому это нужно за кем-то наблюдать в такой чудесный весенний вечер?

- Хорошо мне, - сказал Агасаф-ага, - сегодня моему сыну исполнилось шестнадцать лет... Дай бог, Газанфар, и тебе испытать когда-нибудь это. Ты знаешь, у меня в Пиршагах на берегу моря есть кусок земли. Я уже много лет мечтаю построить там дом. Я тебе клянусь, что в ближайшие годы его построю. Ты приедешь, посмотришь... Сыновья мои подрастут, будем вместе на охоту ходить, рыбу ловить. Каждый вечер со своими сыновьями буду беседовать о жизни, о политике... Ты же знаешь - я люблю говорить о политике... И каждый вечер за мой стол в этом доме будут садиться гости... И для всех у меня и у моих сыновей всегда найдется и приветливое слово, и кусок хлеба, и мягкая постель...

Агасаф-ага говорил и говорил, а Газанфар слушал и не перебивал, потому что чувствовал, что Агасаф-ага очень верит в то, что говорит, а нельзя разубеждать человека, когда он очень во что-то верит, ибо это и есть настоящий грех.

1968